

С.Ю. Шенин (Саратов)

Хотя такие проблемы, как расширение НАТО и выход США из договора по ПРО, не были решены, начался интенсивный диалог, который, по мнению американской администрации, мог привести к «формированию новой стратегической основы» для американо-российских отношений. Тем не менее, к сентябрю эта основа сохранила в себе только вопросы разоружения, а повестка дня (предлагаемая рядом законодателей-республиканцев) по налаживанию долгосрочного сотрудничества через взаимодействие в сфере образования финансов, бизнеса, экологии и т.д. администрацией игнорировалась.

Однако после террористических атак на США 11 сентября 2001 г. проблема долгосрочного сотрудничества снова возникла, только теперь на базе появления общего врага – исламского терроризма – и необходимости формирования антитеррористической коалиции. Как известно, первым из глав государств до Дж. Буша-мл. дозвонился В. Путин, который выразил соболезнования президенту и американскому народу. 12 сентября российский представитель в ООН поддержал в Совете безопасности резолюцию о необходимости предпринять все нужные шаги для ответа на террористическое нападение, а 13 сентября Россия присоединилась к призыву НАТО объединить международные усилия для борьбы с терроризмом, что означало, что Москва готова поддержать эти усилия.

Для администрации Буша-мл. участие России в объявленной антитеррористической войне против бен Ладена, аль-Кайды, Талибана и Афганистана являлось одним из ключевых факторов. Москву нельзя было игнорировать, поскольку для того, чтобы убедить мировое общественное мнение в легитимности войны против террористов в Афганистане был необходим «большой альянс», а он без поддержки и участия России не мог быть законченным [3, р. 6 – 8].

С чисто стратегической точки зрения, невозможно было вести войну против Талибана без использования баз на территории государств Центральной Азии, где влияние России было очень велико и ее согласие представлялось достаточно важным. Кроме того, с военной точки зрения, союз с Москвой был важен, ибо она располагала очень большим влиянием на руководство узбекско-таджикского Северного Альянса, который должен был стать ударной силой наступления против талибов. Наконец, российское руководство могло обеспечить транзит военного снаряжения, разведывательную информацию, участие в спасательных операциях и т.п. [7, р. А16]

Однако, кроме антитеррора существовал еще ряд проблем, который требовал сближения с Москвой. Как уже отмечалось, это касалось ее важного места в энергетической стратегии Буша-мл., а именно «углеводородного развития» бывшего СССР (Россия плюс Каспий) как альтернативного источника в отношении ОПЕК и Саудовской Аравии, что включало в себя обеспечение условий для прихода корпоративных инвестиций в российский энергетический сектор. Кроме того, надо было наладить диалог по таким проблемам, которые трудно было решить без согласия России, а именно расширение НАТО и прокладка трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

Для российского руководства в тот момент возникла проблема сформулировать свои национальные интересы в контексте возможного участия в антитеррористической коалиции. То, что эти интересы рассматривались в России неоднозначно, стало ясно уже 14 сентября из высказывания министра обороны РФ С. Иванова, который заявил, что он «не видит даже гипотетической возможности проведения военных операций НАТО с территории стран Центральной Азии, являющимися членами СНГ». А еще через день, 16 сентября, С. Иванов заявил, что 201-я дивизия, базирующаяся в Таджикистане, приведена в состояние боевой готовности, что расценивалось как реакция на возможный приход сюда американских военных [6].

Аналитики в США, в основном левого толка, полагали, что у Москвы были основания придерживаться этой позиции и опасаться бушевской черно-белой антитеррористической доктрины («или с нами, или против нас»). Вдобавок к своему «афганскому синдрому» русские боялись, что использование территории стран Центральной Азии для ударов по Талибану может вызвать здесь новый всплеск фундаменталистских настроений, усиление террористической активности, рас-

ползание оружия по региону, нарастание потоков беженцев, дестабилизацию многих режимов и мира в целом, который в регионе был пока очень хрупок. Кроме того, российские военные полагали, что пример военных действий в Югославии и односторонний выход администрации Буша-мл. из соглашения по ПРО давали им основание не доверять американцам, особенно у себя в «южном подбрюшье».

С другой стороны, российские генералы не могли не понять необходимости создания буферной зоны в Северном Афганистане, которая могла бы сдерживать исламистскую экспансию в Центральную Азию, что возможно только в рамках контртеррористической операции и сотрудничества со США. Кроме того, это должно было помочь решить некоторые конкретные задачи, связанные с ситуацией в Таджикистане и Чечне, нестабильность которых поддерживалась, по мнению Москвы, Талибаном и исламистами из арабского мира [9, р. 1, 20].

Однако правые аналитики, в основном на неоконсервативном фланге, считали, что даже если Москва не даст согласия на размещение войск коалиции на территории стран Центральной Азии, сильные двухсторонние связи с Западом и сравнительная независимость большинства центрально-азиатских республик позволят проигнорировать мнение Кремля. Правда, согласно им, транспортировка войск и снаряжения по земле будет «почти невозможна»: в этом случае «американские самолеты могли бы осуществлять доставку трудным, хотя и проходимым маршрутом через Турцию, Грузию, Азербайджан и Каспийское море в воздушное пространство Туркменистана и затем Узбекистана, если необходимо» [8, р. 1].

В целом же, американским экспертам и политикам было неясно, чего можно ждать и как выстраивать отношения в Центральной Азии. После жесткого заявления С. Иванова отчетливо ощущалась борьба в российской верхушке за отношение к американскому вторжению в Афганистан. При этом указывалось и на очень существенный фактор общественного мнения: 54% опрошенных россиян предпочитали нейтралитет России в борьбе между Западом и исламскими террористами, а 70% считали, что Москва не должна отдавать американцам базы в Центральной Азии.

Аналитики в США выделяли несколько внутриэлитных московских групп, способных повлиять на окончательное решение. Одна группировка, состоявшая из влиятельных ветеранов армии и спецслужб, т.е. тех, на ком сказались годы участия в холодной войне, призывала не поддерживать «крестовый поход» США против исламского терроризма по двум причинам. Во-первых, Америка по-прежнему является стратегическим конкурентом и ей доверять нельзя, тем более пускать в Центральную Азию; во-вторых, можно получить жесткий ответ со стороны исламского и арабского мира. Они указывали на возможность катастрофического развития событий, связанного, например, с поражением Северного Альянса, оставшегося без своего лидера А.-Ш. Массуда, в войне с талибами, и поход последних на Центральную Азию; либо исламское восстание в Пакистане, свержение пуштунами П. Мушарафа, захват ядерного арсенала и ракетные атаки на Нью-Дели или Ташкент. К этой группе примыкали некоторые политики, например, из ЛДПР, лидеры которой призывали противостоять США и даже прикрыть «ядерным щитом» арабские страны, на которые могла напасть Америка.

Другая группа предлагала занять пассивную позицию (go-slow). Ее представители (С. Иванов, Б. Громов, спецслужбы) считали, что участие в коалиции должно носить символический характер и ограничиваться сотрудничеством в дипломатической сфере и разведке, но без допуска западных войск в свою сферу влияния в Центральной Азии, что позволит воспользоваться ситуацией для решения, например, чеченской проблемы и сохранить хорошие отношения с арабо-

мусульманским миром. К этой «силовой» группе примыкали так называемые «евразийцы» (Г. Павловский, А. Дугин), утверждавшие, что именно США организовали весь этот заговор. Поэтому РФ должна участвовать в войне с терроризмом, но не исламским (с ним пусть воюет Америка), а с чеченским, ибо на соблюдении прав человека на Кавказе западные политики теперь активно настаивать не будут.

Третью группу составляли прозападные политики (С. Караганов, А. Арбатов, А. Кокошин и т.д.), которые полагали, что террористические атаки – это «угроза всей цивилизации» и «мир уже находится в состоянии войны». Поэтому России необходимо присоединиться к коалиции западных демократий в борьбе с международным терроризмом, как это сделала, например, Индия, иначе Россия может столкнуться с международной изоляцией и потерей возможности влиять на мировые события. А страны Центральной Азии, в первую очередь, Узбекистан, могут начать сотрудничество со США и без санкции Москвы [4].

Президента В. Путина беспокоила независимость его партнеров в Центральной Азии и их заявления о готовности сотрудничать со США напрямую, что, по сути, означало «мятеж» в зоне контроля, утрату способности влиять там на положение дел и перехват инициативы Вашингтоном. Такое стратегическое поражение могло оказаться роковым для отношения к нему основных групп элиты и общественного мнения. Чтобы восстановить управляемость регионом, 17 сентября, находясь в Сочи, В. Путин начинает обзывать руководителей всех центрально-азиатских республик с целью убедить их принять секретаря Совета национальной безопасности России В. Рушайло для обсуждения «военного сотрудничества и мер противодействию терроризму». Чтобы подкрепить свою позицию В. Путин провел телефонные переговоры с китайским лидером Цзян Цзэмином, в результате которых стороны заявили о своей «твердой позиции в отношении терроризма во всех формах» [1].

В результате «молниеносного турне» В. Рушайло все четыре республики региона (кроме Туркменистана) заявили о том, что их желание предоставить США базы или воздушные коридоры для нанесения ударов по Афганистану – это «беспочвенные слухи» и что они привержены идее коллективной безопасности в рамках ДКБ. С другой стороны, в тот же день глава российского МИД И.Иванов заявил в Вашингтоне, что Москва рассматривает предложения со стороны государств бывшего СССР о предоставлении военных баз американским военным делом самих этих стран [1]. Таким образом, Кремль намекал, что контроль над регионом восстановлен, и никто не должен думать, что независимо от России здесь что-то можно делать. С другой стороны, американцы могут получить базы, но как бы из рук Кремля и под гарантии России и Китая.

Наконец, Москва сформулировала свою позицию окончательно. Выступая 24 сентября по национальному телевидению, В. Путин заявил о том, что Россия поддержит борьбу с терроризмом. Назвав атаки на США «варварскими», он объявил о готовности вступить в антитеррористическую коалицию. Путин говорил о том, что в позиции Москвы нет ничего нового, она давно настаивала на создании единого фронта против международного терроризма и сражалась с ним в одиночку в Чечне и Центральной Азии. «События в Чечне не могут рассматриваться вне контекста борьбы против международного терроризма», – подчеркнул он. С другой стороны, президент РФ указал, что Россия не пошлет войска в Афганистан и не будет участвовать ни в каких антиисламских кампаниях. Этот подход, по его словам, разделяли и страны центрально-азиатского региона. Наконец, Путин не исключил использования коалицией авиабаз на их территориях.

На афганском театре военных действий Россия готова сотрудничать с коалицией на пяти направлениях: обмен разведывательной информацией между спецслужбами; предоставление воздушных коридоров для доставки гуманитарных грузов; посредничество в переговорах со странами Центральной Азии с целью получить доступ к базам на их территории; использование российских возможностей для осуществления спасательных операций; увеличение помощи правительству Б. Раббани и Северному Альянсу [2, р. А16].

В итоге западные аналитики сделали вывод, что Путин подавил сопротивление противников участия в антитеррористической коалиции. Однако, с учетом «афганского синдрома» и под предлогом мощного давления на Кремль со стороны «антизападнически настроенных националистов и коммунистов», он сумел уйти от обсуждения вопроса об участии российских войск в конфликте, пообещав помощь исключительно «неконтактную» – логистическую и информационную.

1. Blagov, S. Russia – Central Asia: Lessons from Afghanistan Make Moscow Wary / S. Blagov // Inter press Service English News Wire [Electronic resource]. – 2001. – 20 Sept. – Mode of access: <http://www.highbeam.com/doc/1P1-47024839.html>. – Date of access: 29.01.2013.
2. Chazan, G. Why is Moscow Making Its Backyard Available to U.S. Forces / G. Chazan, S. LeVine // Wall Street Journal. – 2001. – 26 Sept. – P. A16.
3. Chiesa, G. Bush's Asian Yalta / G. Chiesa // The New Leader. – 2002. – Vol. 85. – P. 6 – 8.
4. Cohen, A. Analysis: Putin Difficult Choices / A. Cohen // United Press International. – 2001. – 25 Sept.
5. Crock, S. From Evil Empire to Strategic Ally / S. Crock // Business Week [Electronic resource]. – 2001. – 11 November. – Access mode: <http://www.businessweek.com/stories/2001-11-11/from-evil-empire-to-strategic-ally>. – Date of access: 29.01.2013.
6. Ivanov: NATO won't Strike from CIS Countries // United Press International. – 2001. – 14 Sept.
7. LeVine, S. Central Asians May Be Open to Aiding U.S. / S. LeVine // Wall Street Journal. – 2001. – 21 Sept. – P. A16.
8. Turkmenistan and Uzbekistan Seen Possible Afghans Portals U.S. Eyes Central Asia partners // The Washington Times. – 2001. – 22 September. – P. 1.
9. Wines, M. Russia Takes Stand Against Terrorism / M. Wines // The New York Times. – 2001. – 16 Sept. – P. 1, 20.